

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.О. БЛИНОВ,

д. э. н., проф. кафедры экономико-управленческих дисциплин
Российский государственный гуманитарный университет,
Филиал в г. Домодедово Московской области
e-mail: aoblinov@mail.ru;

И.Е. ЛЫСКОВА,

к. и. н., доц. кафедры менеджмента
Коми Республиканская академия

государственной службы и управления, г. Сыктывкар
e-mail: Irinalyskova@mail.ru.

DOI 10.20339/AM.10-16.085

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ИННОВАЦИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Рассмотрены современные проблемы развития профессионального образования в России, анализируются зарубежный опыт в сфере развития университетского образования, в частности раскрываются характерные особенности международного общественного движения за распространение университетского образования, направленного на демократизацию системы высшего профессионального образования в странах Западной Европы, Северной Америки и России в конце XIX – начале XX вв. Предлагается анализ основных проблем развития профессионального образования и становления системы персонального менеджмента в России. Новый подход к исследованию научной и общественной деятельности известных русских ученых Н.И. Кареева и П.Н. Милюкова способствует признанию влияния международного движения на развитие системы образования и самообразования в России конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: зарубежный опыт развития профессионального образования, распространение университетского образования, история экономической и управленческой мысли, социальные инновации, история высшего образования и самообразования, персональный менеджмент, самообразование, научное наследие Н.И. Кареева и П.Н. Милюкова.

INTERNATIONAL PUBLIC ACTIVITY IN FAVOR OF SPREADING UNIVERSITY EDUCATION AS SOCIAL INNOVATION IN THE PERIOD FROM THE END OF 19TH UP TO THE BEGINNING OF 20TH CENTURIES

A.O. Blinov is Dr.Sc. (Economy), prof. at Russian State Humanitarian University, branch of the city of Domodedovo; and **I.E. Lyskova** is Cand.Sc. (History), doc. at Komi Republican Academy of State Service and Administration, the city of Syktyvkar

Elaborated are modern problems of development of professional education in Russia, and also analyzed are foreign experience in the sphere of development of university education, particularly described are characteristics features of international public movement, aimed at democratizing of the system of higher professional education in countries of Western Europe, North America and Russia at in the end of 19th up to the beginning of 20th centuries. Presented is analysis of basic problems of development of professional education and formation of the system of personal management in Russia. New approach to examining of scientific and public activity of well-known Russian scientists N.I. Kireev and P.N. Milyukov helps to recognize influence of international movement on development of the system of education and self-education in Russia at the end of 19th up to the beginning of 20th centuries.

Key words: foreign experience of development of professional education system, spreading of university education, history of economic and managerial thought, social innovations, history of higher education and self-education, personal management, self-education, N.I. Kareev's and P.N. Milyukov's scientific heritage.

Государственная политика в области образования, проблемы развития общего и профессионального образования в современной России – темы злободневные и волнующие научное, педагогическое, родительское сообщества, самих школьников и студентов на протяжении ряда десятилетий. Постепенно приходит осознание

значимости эффективного управления образованием на федеральном, региональном, муниципальном и локальном уровнях.

Впрочем, невозможно отрицать, что сегодня задачи развития образования приобретают глобальный характер, они неразрывно связаны со стратегическими плана-

ми любого государства. Перспективы системы образования все чаще связывают со стратегией национальной безопасности, инновационного развития, экономического роста, обеспечения социального благополучия и качества жизни населения.

В ряде стран экономика знаний официально признана в качестве государственной стратегии. Передовые страны (Республика Корея, Швеция, Швейцария, Германия, Япония, США) выделяют значительные средства из государственного бюджета на развитие образования и науки. Здесь давно признали роль человеческого ресурсов и человеческого капитала в качестве мощного фактора развития материального и духовного производства.

Сегодня Российское государство как никогда должно быть заинтересовано в обеспечении условий для развития когнитивного, креативного, персонального менеджмента. Оно призвано формировать концептуальные, управленческие, особенно правовые основы экономики знаний, совершенствования налоговой системы (например, как в США и Великобритании) и др. [1–3].

Поучительный зарубежный опыт

Анализ исторического опыта внедрения передовых зарубежных практик в сфере образования крайне важен. Одним из таких примеров является международное общественное движение за распространение университетского образования в конце XIX – начале XX вв.

В этот период в России особенно остро ощущалась необходимость преобразований структуры и содержания как общего, так и профессионального образования. Однако противоречивость государственной политики давала о себе знать. С одной стороны, осознавалась необходимость обеспечения конкурентоспособности России с учетом потребностей экономики и интересов общества, а с другой – по-прежнему поддерживались тенденции, направленные на сохранение сословных ограничений и сдерживание по политическим мотивам широкого доступа к системе образования, а также на сохранение жесткого контроля над содержанием образовательных программ и реализацией образовательного процесса.

Между тем, уже тогда в странах Западной Европы и Северной Америки основательно закрепились тенденции демократизации системы общего и профессионального образования. Одним из ярких примеров инноваций, направленных на решение задач эффективного индивидуального и социального развития, достигших масштабов «колоссальной культурного движения», следует признать образовательную систему University Extension.

Термин «University Extension», означавший буквально «распространение университетского образования», вошел в научный оборот и получил широкое применение в теории и практике профессионального образования и персонального менеджмента благодаря английскому профессору астрономии Д. Стюарту в 1871 г.

В начале 1870-х гг. было трудно представить, что всего спустя пару десятилетий частная инициатива вырастет до масштабов мировой практики, получит поддержку на государственном уровне и станет частью государствен-

ной системы образования в странах Западной Европы (Англии, Бельгии, Австрии, Германии, Франции, Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии и др.) и Северной Америки (Соединенных Штатах, Канаде), будет активно развиваться на протяжении XX в. На современном этапе эта модель образования модифицировалась в различные формы дистанционного обучения с применением современных образовательных технологий, формы заочного обучения и повышения профессиональной квалификации.

Известный российский ученый-экономист, академик И.И. Янжул, имевший возможность наблюдать за развитием University Extension в странах Западной Европы и Соединенных Штатах во время заграничных поездок, дал высокую оценку новой общественной инициативе. Он писал: «Мы присутствуем при крайне важном и любопытном историческом процессе: классы народа, наиболее разделенные в Англии глубокою социальною пропастью и представляющие там два непримиримых лагеря, вступают теперь через посредство нового движения и университетского образования в дружественные отношения и стараются говорить одним и тем же языком как равный с равным, жить одной и той же умственной пищей и преклоняться перед одними и теми же идеалами. Трудно предсказать, конечно, к чему это великое общественное движение может прийти в дальнейшем будущем, но несомненно одно: ему суждено принести много добра для человеческой культуры» [16. С. 84]. Прогнозы И.И. Янжула о перспективах новой образовательной практики оказались более чем оптимистичны.

Значительную роль образовательная система University Extension сыграла в процессе становления и развития персонального менеджмента. Анализ трудов отечественных и зарубежных исследователей по вопросам развития образования в конце XIX – начале XX вв. позволяет сделать вывод о том, что система персонального менеджмента на тот исторический период понималась как совокупность теоретических и практических аспектов жизнедеятельности человека, направленных на обеспечение индивидуального развития, образования и в большей степени самообразования, а также самореализации в сфере профессиональной деятельности и непрерывного всестороннего самосовершенствования. Сама жизнь диктовала необходимость личностной инициативы в социальной практике [14; 19; 20].

Известный русский ученый, историк, философ, социолог Н.И. Кареев уделял значительное внимание проблемам развития экономической и управленческой мысли в России и странах Западной Европы. Есть основания полагать, что он заложил основы отечественного персонального менеджмента.

Размышляя о проблемах всестороннего интеллектуального, нравственного, социального развития личности, Н.И. Кареев предлагает уникальное понимание сущности «инновации». Именно этот термин он использовал для характеристики процессов индивидуального и социального развития человека. Инновацию он определял как «личную инициативу». В свою очередь, инициатива рассматривалась им как «высшее проявление личности». «Инновационная деятельность личности» есть неуклон-

ное, осознанное и целенаправленное стремление человека к «творчеству и саморазвитию» [7. С. 340–531; 14].

В. Гебель, специалист по вопросам развития народного образования в странах Западной Европы и Северной Америки, отмечал, что широкое развитие системы внешкольного образования, формирование системы доступных народных библиотек, а также внедрение системы University Extension привело к ограничению привилегий зажиточных классов на образование и сделало его достоянием широкой общественности. В. Гебель писал, что цель учреждений University Extension заключалась в том, чтобы «сделать народу доступным высшее образование, составившее раньше удел немногих» [4. С. 44].

Передовая российская интеллигенция понимала крайнюю необходимость развития системы отечественного образования. Однако пропасть между запросами народа и политическими мотивами российской государственности была слишком велика. Исторический опыт убеждает в необходимости рациональных подходов к формированию государственной политики в области образования.

Отечественных исследований по теории и практике University Extension очень мало. В основном это небольшие статьи обзорного плана [6; 12; 13]. Но нам удалось познакомиться с первыми обобщающими аналитическими работами, изданными в Англии, Австрии и Соединенных Штатах [4; 21–23]. Мощную базу для движения University Extension обеспечил процесс развития системы внешкольного образования во многих странах Западной Европы. Это общественное движение оценивалось как «третья великая стадия демократизации просвещения, являющаяся одновременно и естественным следствием и увенчанием двух первых стадий: обязательности всеобщего начального обучения и допущения женщин к высшему общему и специальному образованию» [4. С. 55].

Остановимся на специфике образовательной модели University Extension. Как отмечено, ее автором стал профессор Д. Стюарт. В 1867 г. он откликнулся на приглашение Женского педагогического общества и нескольких рабочих ассоциаций прочитать систематический курс лекций по астрономии в ряде городов. Почти четыре года Д. Стюарт работал один. В 1871 г. он предложил Кембриджскому университету свой проект по организации и распространению высшего образования среди народных масс. Д. Стюарт подчеркивал «важность и своевременность нового дела, необходимость и даже обязанность поддержания и развития его университетом». Кембриджский университет поддержал начин Д. Стюарта и многочисленные просьбы слушателей из провинциальных городов. При этом университете в 1873 г. была создана специальная комиссия, а позднее, в 1875 г. Синдикат для устройства провинциальных лекций для обобщения и распространения опыта University Extension (Cambridge Local Examinations and Lectures Syndicate).

Получив уникальный опыт преподавания, Д. Стюарт пришел к выводу о необходимости новых методологических подходов к структуре и содержанию образования, которые в корне отличались от процедуры организации публичных популярных лекций. Система профессиональ-

ного образования по типу University Extension предусматривала:

- ◆ во-первых, посещение слушателями еженедельных лекций, которые сопровождались так называемыми «классами» (своеобразными практическими и семинарскими занятиями), и обсуждением наиболее важных вопросов;
- ◆ во-вторых, «силлабус», т.е. подробный конспект лекций, предназначенный для предварительной подготовки слушателей к аудиторному занятию;
- ◆ в-третьих, регулярные еженедельные письменные работы, которые должны своевременно выполняться слушателями курсов (в течение трех-четырех дней после лекции);
- ◆ в-четвертых, завершение образовательной программы предполагало итоговый экзамен и получение соответствующего сертификата (свидетельства).

Важно отметить, что к экзамену допускались лица, прослушавшие не менее 2/3 лекций и выполнившие не менее 2/3 письменных работ. В целом подобные занятия требовали около двух, иногда трех лет. Слушатель, выдержавший экзамены по предусмотренной программе, получал статус «студента, аффилированного при университете». Это давало право продолжить обучение в университете, начиная со второго или третьего курса, и, выдержав экзамен, получить степень бакалавра.

Распространение социальной инновации

Модель University Extension практически сразу вызвала значительный интерес специалистов, исследующих проблемы развития образования. Английский ученый Р. Робертс (R.D. Roberts), имевший непосредственное отношение к организации таких занятий изначально в качестве лектора, позднее с 1881 г. в качестве ассистента и ответственного секретаря Синдиката для устройства провинциальных лекций при Кембриджском университете (Cambridge Local Examinations and Lectures Syndicate), с 1886 г. в качестве секретаря Лондонского общества для распространения университетского образования (London Society for the Extension of University Teaching), созданного в 1875 г., провел тщательный анализ первого опыта (с 1873 г.) теории и практики этого образовательного движения [22].

Р. Робертс выделил ряд характерных признаков, присущих новой, стремительно развивающейся модели высшего образования. *Во-первых*, он подчеркнул, что таковая обеспечивала новые подходы к содержанию естественнонаучного, технического и гуманитарного знания в соответствии с требованиями времени. По его мнению, даже такие традиционные области научного знания как философия, история и литература нуждались в новом идейном содержании, призванном содействовать социальному благополучию. *Во-вторых*, Р. Робертс отмечал уникальность самой методики обучения, тщательно проработанной Д. Стюартом и соответственно обеспечивающей высокое качество образования. В-третьих, существенной характеристикой нового социального дви-

жения являлось признание прав женщин на образование и необходимость обеспечения условий для их интеллектуального и культурного развития.

Новая методика создавала благоприятные условия для удовлетворения возрастающей потребности в получении высшего образования в широких кругах английского общества независимо от социального статуса. Значительный интерес к новому образовательному направлению проявили рабочие, ремесленники, торговцы, клерки, лица, не имеющие определенных профессиональных занятий, особенно женщины и молодые люди.

В 1876 г. инициатива Кембриджа была подхвачена Лондонским университетом. Оригинальной в практике Лондонского общества распространения университетского образования стала организация особых университетских поселений, которые состояли из нескольких домов, в каждом из них находилось какое-либо просветительское учреждение. Университетские поселения осуществляли не только образовательную деятельность, всячески содействовали самообразованию слушателей, занимались организацией досуга взрослых и детей.

В 1878 г. было создано «Оксфордское общество распространения университетского образования». Особое внимание Оксфордское общество University Extension уделяло организации занятий в провинциальных районах Англии, где стремление к высшему образованию проявлялось особенно остро. В целях учебно-методического обеспечения слушателей Оксфордское общество издавало более подробные в сравнении с кембриджскими силлабусы. Кроме того, в провинциальных филиалах University Extension активное применение получили так называемые «передвижные библиотеки».

Оксфордские специалисты University Extension более гибко подходили к продолжительности лекционных занятий. Они в отличие от кембриджских коллег вместо двенадцатичасовых лекций отдали предпочтение более коротким курсам (до шести лекций), больше внимания уделяли практическим аспектам исследуемой проблематики.

В целях повышения эффективности деятельности, особенно в аспекте повышения качества образования, в 1886 г. было создано «Соединенное бюро университетов», в состав которого вошли Кембриджская, Оксфордская и Лондонская организация University Extension. Одним из серьезных в организации обучения был вопрос финансовый. Обучение было платным. Стоимость одного курса из двенадцати лекций и ряда «классов» в среднем составляла 40–45 фунтов стерлингов, иногда в зависимости от численности аудитории примерно на 10 фунтов стерлингов меньше. Самые дорогие программы обходились слушателям в 60–70 фунтов стерлингов. Курсы для женщин, которые проводились обычно в утренние или дневные часы, обходились дороже. Тем не менее, эти образовательные программы были очень востребованы.

Постепенно при поддержке благотворительных ресурсов новая образовательная модель стала неотъемлемой частью национальной системы высшего образования Англии. Открытие специальных колледжей, финансируемых из местного бюджета, действительно обеспечило широкое «распространение университетского образования».

Сформировалась «мощная государственная система высшего образования», в которой были задействованы все социальные группы. Вместе с тем обращалось внимание на широкий спектр областей научного знания, которые могли изучаться (естествознание, политическая экономия, промышленная и коммерческая история, география, язык, история и культура Англии, литература и искусство и др.). Методика обучения давала хорошие результаты в плане качества полученных знаний. Образовательная программа могла выстраиваться с учетом индивидуальных потребностей и возможностей студентов [22]. Со временем новое образовательное движение охватило всю страну. К середине 1890-х гг. три английских университета имели около 400 учебных пунктов с 60 тыс. слушателей, 10 % из которых получили свидетельства [4. С. 59].

Важнейшей характеристикой качества образования являлась мощная мотивация персонального развития, которая была свойственна подавляющему большинству слушателей курсов. Р. Робертс приводит в качестве примера выдержки из писем слушателей курсов. Кто-то из них, чтобы попасть на занятия преодолевал путь в шесть или десять миль, кто-то добирался поездом, а домой возвращался пешком. «Это продолжалось регулярно в течение трех месяцев, в темные ночи, по ужасно плохим дорогам в любую погоду. Бывали случаи, когда приходилось возвращаться домой в жуткий шторм по дорогам, размытым ливнем, по пояс в воде. Поэтому неудивительно, что такие люди показывали блестящие знания на экзаменах и с успехом организовывали работу местных центров образования в своих населенных пунктах. Этот миссионерский дух полностью отвечал характеру общественного движения University Extension» [22. С. 26 (перевод наш)].

Высокую степень мотивации слушателей отмечал и В. Гебель. Порой слабая общеобразовательная подготовка слушателей давала о себе знать. Но слушатели были «созревшими для занятий благодаря практической жизни», «их усидчивость и энергия были таковы, что они гораздо быстрее шли вперед, чем иные действительные студенты, посещающие университет только ради карьеры». Слушатели курсов отличались высокой дисциплинированностью [4. С. 44–49].

Безусловно, огромный интерес представляют мнения людей, получивших уникальную возможность приобщиться к образовательной деятельности по методике University Extension. Приведем отрывок из письма «обычного рабочего человека», слушателя 30-ти лет, который стеснялся своей необразованности и провинциальности. Переживая о том, что недостаточно хорошо выполнил письменную работу, он обращается к своему преподавателю: «Понимая свое невежество в присутствии более образованных людей, которых я видел на ваших вечерних лекциях, я попытаюсь побороть это чувство, не могу упустить первую и вероятно единственную возможность получить образование» [22. С. 33 (перевод наш)].

В современных условиях кризиса мотивации учебной деятельности до глубины души поражает искренность намерений и энтузиазм английских студентов конца

XIX в. Р. Робертс для примера приводил занятия по экономике, которые посещала многочисленная аудитория рабочих. Робертс сообщал, что «класс», который следовал за лекционным занятием, был настолько востребован аудиторией, что затягивался до позднего часа. Свободное обсуждение вопросов, живые и бурные дискуссии показывали реальный интерес и страстное желание студентов выявить действие принципов политической экономики в повседневной жизни» [22. С. 36 (перевод наш)].

В. Гебель также подчеркивал социальную значимость системы образования по типу University Extension. Он писал: «Женщины, значительная часть которых принуждена была довольствоваться узкой сферой домашнего обихода, получили доступ к новым духовным интересам. Подобным же образом многие мужчины, посвящавшие свободное время выпивке, карточной игре и другим удовольствиям, отдадут его теперь умственной работе. Там, где имеют влияние народные курсы, разговоры в обществе и дома начинают носить другой характер, жизнь приобретает новую ценность и тысячи людей, довольствовавшихся только растительной жизнью, получают определенный смысл существования» [4. С. 45].

В континентальной Европе движение University Extension также было весьма успешным (особенно в Бельгии, Австрии, Германии, Швеции, Норвегии, Финляндии). Число слушателей в крупных городах Западной Европы достигало 4000–6000 (и более) ежегодно. Важно обратить внимание на то, что в Вене подобные занятия были бесплатными, поскольку венская профессура добилась правительственной субсидии на организацию этой деятельности. До 70% слушателей составляли ремесленники, торговцы, рабочие. В связи с этим венский профессор Э. Рейер отмечал значимость курсов не только теоретического, но и прикладного характера [20].

Очень скоро, практически одновременно с началом английского движения об университетском образовании по модели University Extension стало известно в Соединенных Штатах. Многие позитивные начинания англичан получили здесь дальнейшее развитие. Первоначально здесь нашли широкое применение публичные лекции и курсы. Они организовывались специальными обществами самообразования – «лицеями».

Если в Англии впервые была осуществлена практика провинциальных лекций университетского типа, то здесь нашли применение наряду с лекциями и другие формы работы. Огромное значение в практике американской модели получили летние съезды учащихся и руководство домашним чтением в целях самообразования по переписке. В начале XX в. такими «заочными курсами» были охвачены полтора миллиона учеников. Обучение на этих курсах было доступно для всех работающих. Родиной нововведений в систему образования Северной Америки стал провинциальный городок Шотоква (Чотокуа, в оригинале Chautauqua), расположенный между Нью-Йорком и Чикаго.

Инициатором введения системы University Extension в Америке стал профессор Адамс из университета Джона Хопкинса в Балтиморе. Полученный опыт убедил в необходимости эффективного управления в организации

нового дела. В 1890 г. под началом профессора Адамса было создано «Общество распространения университетского образования в Филадельфии». В его функции входила организация публичных лекций в Бостоне, Нью-Йорке, Балтиморе, Вашингтоне и Филадельфии.

Главной отличительной чертой американской модели University Extension по сравнению с английской стала возможность осуществления массового самообразовательного движения совместно с государственными структурами (университетами, библиотеками, музеями, другими учреждениями культуры и образования). Разработка законодательной базы обеспечивала стабильную финансовую поддержку государства. Движение University Extension стало рассматриваться как составная и законная часть общей системы народного образования Соединенных Штатов. Постепенно вся страна была охвачена сетью University Extension, число слушателей было значительно больше, чем в Англии, и исчислялось десятками тысяч человек. Неиссякаемым желанием рабочих учиться по вечерам был поражен И.И. Янжул во время поездки в 1893 г. в Соединенные Штаты для посещения Всемирной выставки в Чикаго в качестве эксперта от России.

Внедрение новой модели в американскую систему образования приобрело поистине грандиозные масштабы. Одной из первых обобщающих работ по истории University Extension в Соединенных Штатах была работа В.С. Биттнера (W.S. Bittner), который являлся исполнительным директором отделения University Extension в университете штата Индиана. В предисловии к работе В.С. Биттнер отмечал, что значительная часть документов и статистических материалов была ему предоставлена департаментом образования при МВД Соединенных Штатов (Department of the Interior, Bureau of Education), а также руководителями ряда специальных служб и подразделений, обеспечивающих эту деятельность.

В.С. Биттнер акцентировал внимание на значительной роли University Extension в процессе общественного развития и обеспечения социального благополучия. Он писал: «Среди либеральных идей, преобладающих в современном общественном сознании, является мысль о стремительном распространении образования. Пока нет исследований, в полной мере определяющих сущность и масштабы абсолютно нового направления развития образования. Однако одно определяется точно: тенденция развития образования в отношении широких народных масс и социальных групп, независимо от статуса, социальной принадлежности и материального положения, в отношении мужчин, женщин и детей без каких-либо ограничений человеческих прав с провозглашением равных возможностей получить пользу от приобщения к искусству и науке. Люди стремятся к знанию, образованию, которое открывает двери к полноценной жизни» [21. С. 9 (перевод наш)].

Россия и иностранная инновация

История образования и персонального менеджмента, в частности такого значимого его направления как самообразование, в России в конце XIX – начале XX вв. также была связана с образовательным движением University Extension.

Особого внимания заслуживают два научных коллектива, созданные под началом известных ученых, профессоров высшей школы России, активных политических и общественных деятелей П.Н. Милюкова и Н.И. Кареева. Отметим, что еще ранее вдохновленный опытом Западной Европы и Соединенных Штатов И.И. Янжул собрал круг московских ученых, подготовивших под его редакцией «Книгу о книгах» (1892). Эта работа представляла собой «толковый указатель для выбора книг по важнейшим отраслям знания» и главным образом была предназначена для лиц, имевших среднее образование и университетскую молодежь.

Первым опытом применения новой системы образования в России было учреждение специальных обществ для содействия самообразованию [18]. По политическим мотивам создание самостоятельных организаций University Extension в условиях российской действительности было невозможно. Поэтому новое направление работы было организовано под эгидой других авторитетных учреждений.

В 1893 г. в Москве при учебном отделе «Общества распространения технических знаний», основанного известным ученым-экономистом А.И. Чупровым, начала работу Комиссия по организации домашнего чтения под руководством П.Н. Милюкова. В 1894 г. в Санкт-Петербурге при учебно-воспитательном комитете Педагогического музея военно-учебных заведений, который возглавлял генерал А.Н. Макаров, открылся «Отдел для содействия самообразованию». Организатором отдела был Н.И. Кареев. Главной целью этих общественных организаций признавалось «распространение научного знания в самых широких кругах, где только в нем чувствовалась потребность» [5;8].

Стоит отметить, что первоначально с идеей «распространения университетского образования» в России выступила известная общественная деятельница Е.Н. Орлова. Она лично познакомилась с постановкой дела University Extension в Северной Америке и Англии. Е.Н. Орлова предполагала, что подобное мероприятие может быть удачным и для России. Она обратилась к П.Н. Милюкову за помощью в организации нового мероприятия [11. С. 174]. По словам А.А. Кизеветтера, известного историка и общественного деятеля, П.Н. Милюков отнесся к новому делу «горячо и тотчас же развил чрезвычайную энергию, пустив в ход всю свою настойчивость и организаторскую способность для того, чтобы с самого начала поставить это дело прочно и солидно и обеспечить ему репутацию серьезного просветительного предприятия. Дело было задумано по-русски, то есть широко, с размахом сразу на всю Россию» [10. С. 204].

Н.И. Кареев также придавал чрезвычайно важное значение новому направлению деятельности университетов. Движение University Extension, – писал он, – «имеет значение серьезного исторического факта, так как указывает на глубокие изменения, совершившиеся в общественной жизни» [6. С. 66].

Существенное значение имела организация публичных лекций в провинции. В 1896 г. при московской «Комиссии по организации домашнего чтения» с целью содействия проведению провинциальных лекций была

создана особая подкомиссия. В 1898 г. ее преобразовали в специальное лекционное бюро. Первым председателем этого бюро стал историк А.А. Кизеветтер. Однако масштабы организации публичных лекций в России были не столь впечатляющими как в Англии и Северной Америке. Причины, затруднившие организацию провинциальных лекций, следующие.

1. Прежде всего, это различные формальности, связанные с получением разрешения на проведение лекций. А.А. Кизеветтер отмечал, что «на лекцию научного характера смотрели как на какую-то разрывную бомбу и проглядывали между пальцев, что в стране медленно, но неуклонно назревало революционное настроение, питаемое вовсе не научными лекциями, а резкими расхождениями правительственных действий с очередными потребностями государственной жизни» [10. С. 215].

2. Отметим малочисленность лекторского состава для проведения лекций в провинции. К примеру, в списке лекций на 1899–1900 гг. значился 21 лектор [13. С. 808]. В России провинциальные лекции читали преподаватели высших и средних учебных заведений, в то время как за рубежом существовал специальный штат оплачиваемых государством лекторов.

3. Среди причин, осложнявших образовательную деятельность, указывалась «инертность провинции», т.е. отсутствие широкого спроса на лекции со стороны провинциальных организаций. Очень часто камнем преткновения являлся материальный вопрос.

Наиболее успешной была работа по подготовке программ для самообразовательного чтения¹. Московские «Программы домашнего чтения» выходили в период с 1894 по 1914 гг. Они включали подробный план самостоятельных занятий в объеме университетского курса по всем отраслям науки за исключением медицины. Полный курс по каждому отделу был рассчитан на четыре года систематических занятий. Здесь предлагались списки учебной и научной литературы, методические рекомендации по самостоятельному изучению той или иной науки, а также материалы для контрольных и проверочных работ [9].

В состав московской комиссии входили около 300 ученых. Для подготовки «Программ домашнего чтения» были приглашены видные специалисты университета. Московские программы домашнего чтения выдержали от двух (4-й год обучения) до восьми изданий (1-й год обучения). За первые десять лет вышли в свет 95 тыс. экземпляров программ [10. С. 108–144]. Главным образом ими пользовались педагоги начальных городских и сельских школ, рабочие, крестьяне, служащие, военные и учащиеся.

Первые годы своего существования петербургский «Отдел для содействия самообразованию» всецело был поглощен подготовкой Общей энциклопедической программы, а также целого ряда специальных программ по различным предметам научного знания, в т.ч. по экономике. Первый вариант указанных программ появился в 1895 г. До 1911 г. программы выдержали шесть изданий.

¹ Программы домашнего чтения. – М., 1894; Программы чтения для самообразования. – СПб., 1895.

Общий тираж их составил более 100 тыс. экземпляров. Работа над седьмым, уже готовым к печати, изданием прервалась в годы первой мировой войны.

Как видим, П.Н. Милюков и Н.И. Кареев собрали многочисленные коллективы, объединившие квалифицированных специалистов, неравнодушных к делу народного образования. К сожалению, работа организаций для содействия самообразованию держалась главным образом на неиссякаемом энтузиазме сотрудников. Государственные же органы не только не содействовали, но, наоборот, остерегались массового интереса общественности к деятельности этих организаций.

В конце 1890-х гг. в связи со студенческими волнениями П.Н. Милюков как политически неблагонадежный профессор, обвиняемый в «прочтении лекций преступного содержания перед аудиторией, неспособной отнестись к ним критически» (в Нижнем Новгороде), был выслан из Москвы в Рязань. После этого Комиссию по организации домашнего чтения возглавлял два года В.Ф. Лугинин, известный русский предприниматель и ученый. Вскоре он отправился на лечение за границу, и тогда председателем московской комиссии стал профессор всеобщей истории П.Г. Виноградов².

Н.И. Кареев, подобно П.Н. Милюкову, поплатился за свои убеждения и активную общественную работу. В период с 1899 по 1906 гг. по причине «неблагонадежности» он был отстранен от чтения лекций в Санкт-Петербургском университете и на Высших женских (Бестужевских) курсах. Как видим, представления государственных органов России о необходимости распространения народного образования коренным образом отличались от идей, преобладающих в западной культуре и государственной политике.

Заключение

Сделаем выводы. Международное общественное движение за распространение высшего образования стало уникальным примером индивидуальной и социальной инициативы, выросшей до масштабов инновации, охватившей сферу политики, экономики, образования и культуры. История профессионального образования и самообразования как одного из значимых компонентов системы когнитивного и персонального менеджмента в

Литература

1. Блинов А.О. Проблемы развития высшего образования // Экономика и образование. – 2011. – № 1. – С. 52–62.
2. Блинов А.О., Рудакова О.С. Решение стратегических задач реформирования системы образования РФ на основе адаптации передового зарубежного опыта // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2011. – № 4. – С. 87–94.
3. Блинов А.О., Федорков А.И., Яновский В.В. О направлении реформы в высшем образовании // Управленческое консультирование. – 2014. – № 4 (64). – С. 117–126.
4. Гебель В. Внешкольное народное образование в Западной Европе и Северной Америке. – М., 1899.

России неразрывно связана с международным образовательным движением за распространение университетского образования.

Теория и практика новой модели образования получила мощный импульс в конце XIX в. и продолжает развиваться в настоящее время в качестве системы дистанционного, дополнительного профессионального образования, форме заочного обучения. Прогрессивная российская интеллигенция откликнулась на запросы общества. Вдохновленные опытом английских и американских коллег, русские ученые искали и эффективно внедряли наиболее приемлемые для России формы обеспечения доступности образования в объективно сложившихся социально-экономических и политических условиях.

Тем не менее сегодня мы вынуждены признать, что проблемы доступности и качества образования, как и в конце XIX–начале XX вв., остаются самими острыми и для современной России, требуя безотлагательного решения. Это обосновано признанием роли профессионального образования в качестве ключевого фактора экономического и социального развития страны. Сегодня требуются глубокие содержательные преобразования профессионального образования с учетом региональной специфики.

Крайне важно обеспечить высокую мотивацию студентов и профессорско-преподавательского состава вузов на ответственное, инициативное отношение к образовательному процессу и результату образовательной деятельности. Необходимо поднять требования к уровню профессиональной подготовленности студентов, качеству учебно-научных работ, особенно студентов заочной формы обучения. Следует искать новые формы организации образовательного процесса. В этом отношении важно помнить и о достойной оплате научно-педагогического труда.

Таков далеко не весь спектр проблем профессионального образования. Возможность решения таковых во многом зависит от скорости внедрения в общественное сознание новых моделей мышления, индивидуального и коллективного поведения. Это определит новое, отвечающее современным требованиям качество интеллектуальных ресурсов современной России, а соответственно, уровень и качество нашей жизни.

References

1. Blinov, A.O. (2011). Problems of development of higher education. *Economy and education*, no. 1, pp. 56–62.
2. Blinov, A.O., Rudakova, O.S. (2011). Solving of the strategic tasks of modernization of Russian education system based on adaptation of advanced foreign experience. *Herald of Association of institutions of higher education in tourism and service*, no. 4, pp. 87–94.
3. Blinov, A.O., Fedorkov, A.I., Yanovsky, V.V. (2014). Directions of the reform of higher education. *Administrative consultation*, no. 4 (64), pp. 117–126.
4. Gebel, V. (1899). *Nonschool people's education in Western Europe and North America*. Moscow.

² Отметим, что П.Г. Виноградов был хорошо знаком с системой University Extension. По приглашению Кембриджского университета он читал публичные лекции по русской истории и современным на тот период проблемам социально-экономического развития России [17].

5. Кареев Н.И. Идеалы общего образования. – СПб, 1909.
6. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1900. – С. 220–223.
7. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. – СПб., 1914.
8. Кареев Н.И. Отдел для содействия самообразованию в комитете педагогического музея военно-учебных заведений / Историческое обозрение. – 1895. – Т. 8.
9. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. – Л., 1990.
10. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. – М., 1990.
11. Милуков П.Н. Воспоминания. – М., 1990. – Т. 1.
12. Милуков П. Распространение университетского образования в Англии, Америке и России // Русское богатство. – 1896. – № 3. – С. 79–121.
13. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1902. – Т. 34. – С. 803–809.
14. Лыскова И.Е. К вопросу истории экономического образования в России конца XIX – начала XX века / Экономика и современный менеджмент: теория и практика. – Новосибирск, 2014. – С. 27–34.
15. Лыскова И.Е. Н.И. Кареев о проблемах женского образования в России в аспекте персонального менеджмента // Женщина в российском обществе. – 2014. – № 3 (72). – С. 80–86.
16. Янжул И.И. В поисках лучшего будущего: Социальные этюды. – СПб., 1893.
17. Lectures on the History of the Nineteenth Century. – Cambridge, 1902. – P. 237–276.
18. [URL]:<http://archiv.gpscience.org/wp-content/uploads/2015/05/0315In 144-148>.
19. Lyskova I.E. The purpose of life and professional aptitude in the interpretation of Nikolai Kareev // In the World of Scientific Discoveries. – 2014. – No. 9.3 (57). – P. 1229–1241.
20. Lyskova I.E. The Sources of Self-Management in Russia / Second International Conference on Economic Sciences. Proceedings of the Conference, June 16, 2014. – Vienna, 2014i. – P. 40–46.
21. Bittner W.S. The University Extension Movement. – Washington, 1920.
22. Roberts R.D. Eighteen Years of University Extension. – Cambridge, 1891.
23. University Extension: It's Definition, History, System of Teaching and Organization. – Philadelphia, 1891.
5. Kareev, N.I. (1909) The ideals of comprehensive education. St. Petersburg: M.M. Stasiulevich Publ.
6. Kareev, N.I. (1900) Self-education. In: Brokgauz, F.A., Efron, I.A., Encyclopedic dictionary. St. Pererburg: Vol. 28. pp. 220–223.
7. Kareev, N.I. (1914). Essence of historical process and role of personality in history. St. Petersburg: M.M. Stasiulevich Publ., 574 p.
8. Kareev, N.I. (1895). Educational Committee of the Pedagogical museum of military schools the Department of assistance to self-education. In: Historical review. St. Pererburg: Vol. 8.
9. Kareev, N.I. (1990) Memoirs. Leningrad: Leningrad University Publ.
10. Kizevetter, A.A. (1997). On the boundary of two centuries. Memoir. 1881–1914. Moscow.
11. Milyukov, P. (1990). Memoirs. Vol. 1.
12. Milyukov, P. (1896) The University Extension Movement in England, America and Russia. In: Russian Richness, no. 3, pp. 79–121.
13. Milyukov, P. (1902). "University Extension". In: Brokgauz, F.A., Efron, I.A., Encyclopedic dictionary. St. Petersburg: Vol. 34. pp. 803–809.
14. Lyskova, I.E. (2014). To the point of history of economic education in Russia at the end of the XIX and at the beginning of the XX centuries. In: Economics and modern management: theory and practice. Novosibirsk, pp. 27–34.
15. Lyskova, I.E. (2014). The problems of woman's education in Russia in the aspect of self-management in the interpretation of Nikolai Kareev. *Women in Russian Society*, no. 3 (72), pp. 80–86.
16. Yanzhul, I.I. (1893). In search of better future. Social studies. St. Petersburg.
17. Lectures on the History of the Nineteenth Century. (1902). Cambridge, pp. 237–276.
18. [URL]:<http://archiv.gpscience.org/wp-content/uploads/2015/05/0315In 144-148>.
19. Lyskova, I.E. (2014). The purpose of life and professional aptitude in the interpretation of Nikolai Kareev. *In the World of Scientific Discoveries*, no. 9.3 (57), pp. 1229–1241.
20. Lyskova, I.E. (2014i). The Sources of Self-Management in Russia. In: The Second International Conference on Economic Sciences. Proceedings of the Conference (June 16, 2014). Vienna. pp. 40–46.
21. Bittner, W.S. (1920). The University Extension Movement. Washington: Government Printing Office. 125 p.
22. Roberts, R.D. (1891). Eighteen Years of University Extension. Cambridge.
23. University Extension: It's Definition, History, System of Teaching and Organization (1891). Philadelphia.

Л.Н. ХОВРИНА,

д. педагог. н., проф., заведующая кафедрой
Военная академия РВСН имени Петра Великого
e-mail: Khovrina13@yandex.ru

Т.В. БАРАНОВА,

к. педагог. н., доц. кафедры иностранных языков
Российский государственный гуманитарный университет
e-mail: apctvb@yandex.ru

DOI 10.20339/AM.10-16.092

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Рассмотрена проблема формирования социально-культурного потенциала личности военнослужащего с учетом сохранения преемственности богатейшего отечественного педагогического наследия. Военное образование дореволюционной России, представленное как целостная система обучения и воспитания офицера-гражданина Отечества, является неисчерпаемым источником преемственности конструктивных компонентов социально-культурного по-